

ОТ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЭССЕНЦИАЛИЗМА»
К ТОТАЛИТАРИЗМУ: НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР
КАРЛА ПОППЕРА С ПЛАТОНОМ

ГНОСЕОЛОГИЯ ПЛАТОНА И ТЕМА ИСТОРИЦИЗМА¹

© 2020 г. В. Н. Жуков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 01.10.2020 г.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды К. Поппера на рационализм и иррационализм, их способность быть методами познания и принципами социального устройства. Раскрывается его концепция норм и фактов, показывается ее значение для обоснования политических идеалов. Анализируется критика Поппером гносеологии Платона в связи с политическими взглядами древнегреческого философа. Показываются воззрения Поппера на связь философии истории и тоталитаризма.

Ключевые слова: Поппер, Платон, тоталитаризм, гносеология, рационализм, иррационализм, историцизм.

Цитирование: Жуков В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном // Государство и право. 2020. № 11. С. 15–29.

DOI: 10.31857/S102694520012539-3

FROM “METHODOLOGICAL ESSENTIALISM”
TO TOTALITARIANISM:
UNFINISHED DISPUTE KARL POPPER WITH PLATON

PLATON'S EPISTEMOLOGY AND THE THEME OF HISTORICISM²

© 2020 V. N. Zhukov

Lomonosov Moscow state University

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 01.10.2020

Abstract. The article discusses the views of K. Popper on rationalism and irrationalism, their ability to be methods of knowledge and principles of social structure. His concept of norms and facts is revealed, and its significance for the justification of political ideals is shown. Popper's criticism of Platon's epistemology in connection with the political views of the ancient Greek philosopher is analyzed. Popper's views on the connection between the philosophy of history and totalitarianism are shown.

¹ Данная статья является второй в цикле публикаций, посвященных творчеству К. Поппера, взаимосвязи его эпистемологии и политических взглядов. Первую статью из этого цикла см.: Государство и право. 2020. № 10. С. 36–44.

² This article is the second in a series of publications devoted to the work of K. Popper, the relationship of his epistemology and political views. For the first article in this series, see: Gosudarstvo i pravo=State and Law, 2020, No. 10, pp. 36–44.

Key words: Popper, Platon, totalitarianism, epistemology, rationalism, irrationalism, historicism.

For citation: Zhukov, V.N. (2020). From “methodological essentialism” to totalitarianism: unfinished dispute Karl Popper with Platon
Platon's epistemology and the theme of historicism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 15–29.

Рационализм, иррационализм и принципы социального устройства

Апологетика рационализма и критика иррационализма — тема для позитивизма традиционная. Сначала обосновывается рационализм в познании, затем предлагается сделать рационализм основой общественного устройства. Поппер примерно в этом духе и развивает свою мысль. Специфика его рассуждений состоит в том, что защита рационализма осуществляется им наряду с реабилитацией метафизики. Метафизика, как бы Поппер не пытался включить ее в процесс научного познания, в конечном счете имеет свои «начала и концы» в непознаваемом, в иррациональном. Поппер изначально ставит перед собой парадоксальную задачу: обосновать рационализм, используя иррационализм. В данном случае налицо отражение антиномичности самого бытия, в т.ч. социального. В познавательном плане перед нами действительно стоит большая проблема, требующая своего объяснения: что в решающей степени определяет жизнь человечества, народов и индивидов — иррациональное (Бог, судьба, рок, «сила жизни») или рациональное (человеческий разум, его способность к созидательному творчеству)? Поппер попытался дать свой ответ.

Поппер понимает рационализм очень широко, как стремление человека в своей духовно-практической деятельности опираться на разум (включая и научное познание). Исходная аксиома такого подхода такова: человечество и индивиды в целом разумны, надо доверять разуму других людей, люди, опирающиеся на разум, восприимчивы к аргументам и критике со стороны других в деле поиска истины. Позиция разумности, подчеркивает Поппер, близка позиции науки, что и подтверждает его теория фальсификации. Для него разумность отдельного человека, общества и научный метод почти совпадают, различие состоит лишь в степени институциональной оформленности. Поппер спорит с Гегелем, для которого, с его точки зрения, разум есть коллективный феномен, душа общества. Он признает, что рационализм рождается в обществе, но ее носитель — всегда индивид. Индивид, проявляя свою рациональность, согласно логике Поппера, не должен быть связан традициями, предрассудками среды. Рациональность — это интеллектуальная свобода индивида, она имеет интерперсональную, межличностную природу.

Поппер различает рационализм подлинный и неподлинный. Первый связывается с именем Сократа: «Он предполагает осознание ограниченности возможностей отдельного человека, интеллектуальную скромность тех, кому дано знать, как часто они ошибаются и как сильно зависит даже это их знание от других людей. Подлинный рационализм предполагает осознание того обстоятельства, что не следует слишком полагаться на разум, что доказательство редко решает проблему, хотя оно и является единственным средством научиться... пониманию более отчетливому, чем прежде»³. Рационализм (уровень интеллектуальных способностей) не может быть основанием притязания на власть, поскольку рационализм предполагает взаимную критику. Рационалистический подход принимает прежде всего доказательства, а не личность доказывающего. Псевдорационализм олицетворяет Платон, который страдает «интеллектуальным авторитаризмом». Ему «присущи нескромная уверенность в наличии у определенных людей высших интеллектуальных способностей, претензия на посвященность, обладание достоверным и безусловным знанием»⁴. У Платона знание становится источником власти, а в конечном счете — тоталитарного общества.

Различается также рационализм критический и некритический. Некритический рационализм исходит из принципа, согласно которому следует отвергнуть всякое допущение, если оно не опирается на доказательство или опыт. Данный принцип, согласно Попперу, должен быть отвергнут в силу его логической несостоятельности: сам этот принцип является допущением, поскольку берется без доказательств, на веру. Подлинный (критический) рационализм дает себе отчет в том, что его базовая предпосылка — допущение, вера в надежность опыта и доказательств. Рационалистический подход сначала должен быть принят на веру, и только после этого могут стать эффективными аргументы и опыт. Таким образом, заключает Поппер, рационализм далеко не всеобъемлющ и самодостаточен, но в этой трезвой оценке кроется его сила. Некритический рационализм опасен тем, что способен подорвать свои собственные позиции, а именно признание тезиса о метафизической основе

³ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 262.

⁴ Там же. С. 263.

рационализма. Иначе говоря, здесь иррационализм (метафизика) объявляется условием рационализма.

По Попперу, «рационалист, даже если он уверен в своем интеллектуальном превосходстве, будет отвергать все призывы к авторитаризму, поскольку он сознает, что если его интеллект и превосходит другие интеллекты (о чем трудно судить), то лишь настолько, насколько он способен учиться под воздействием критики. Учиться же в этом смысле можно лишь тогда, когда принимаешь всерьез других людей и их аргументы»⁵. В этом отношении рационализм связан с правом человека быть услышанным и отстаивать свои доводы, что означает признание права на терпимость. «Не станет убивать человека тот, кто признает, что прежде следует выслушать его аргументы»⁶. Такая позиция ведет к идее ответственности. «Мы должны не просто выслушать аргументы, мы обязаны нести ответственность, отвечать за то, как наши действия влияют на других людей. В конечном счете рационализм обуславливает признание необходимости социальных институтов, защищающих свободу критики, свободу мысли и, следовательно, свободу человека. К тому же он устанавливает нечто вроде морального обязательства поддерживать такие институты»⁷. Данную моральную норму Поппер связывает с «гуманистическим политическим требованием практической социальной инженерии»: с целью защиты и развития свободы необходима всесторонняя рационализация общества, нужен контроль со стороны разума сократического типа (критического, сомневающегося). Господство разума, знающего границы своих возможностей, станет гарантией против тоталитаризма.

Рационализм предполагает существование общего средства коммуникации, «общего языка разума». Рационализм требует поддержания стандартов ясности и точности языка, чтобы была возможность излагать и воспринимать аргументы. Поппер подчеркивает, что «общий язык разума» есть средство коммуникации, а не самовыражения (стремление к самовыражению делает людей не восприимчивыми к аргументам, возводит между ними барьеры). Различные языки переводимы в той степени, в какой они являются рациональными. Единство языков еще раз доказывает единство человечества.

Западная цивилизация, заключает Поппер, объявлена своим рационализмом сократической и христианской вере в братство, в людей, в достоинство и надежность разума.

⁵ Поппер К. Р. Указ. соч. С. 275.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 275, 276.

Рационализму противостоит иррационализм. Поппер дает свою характеристику иррационализма, которая, конечно, глубоко субъективна, но тем и интересна. Он перечисляет черты, которые принадлежат, как ему представляется, иррационализму. Важнейшая идея иррационализма — убежденность в нерациональной природе человека. С точки зрения иррационалиста, люди по большей части живут эмоциями, а не разумом. Все действительно значимое в жизни человека — выше разума. Так, ученый становится великим благодаря не разуму, а интуиции, его мистической способности проникать в суть вещей. Наука хотя и представляет собой большую ценность, не может быть применена ко многим очень важным сферам человеческой деятельности. Творчество — одно из высших проявлений человеческой природы — также коренится не в разуме, а в личных и общественных инстинктах, т.е. оно глубоко иррационально.

По Попперу, спор между рационализмом и иррационализмом идет издавна. Хотя греческая философия и начиналась как рационалистическая, в ней с самого начала присутствовали черты мистицизма. Мистицизм греческой философии отражал тоску по утраченному племенному единству. Для иррационалиста рационалист — духовно бедный человек, занимающийся преимущественно механической деятельностью, скользящий по поверхности и не способный размышлять о глубинных проблемах человеческой судьбы и философии. В отличие от рационализма, который исходит из веры в единство человечества, иррационализм не связан ни с какими требованиями логической последовательности и может быть соединен с различными убеждениями. В частности, он нередко оказывается опорой романтической уверенности в существовании избранных, в делении людей на ведущих и ведомых, естественных господ и естественных рабов. В конечном счете иррационалист исходит из всемерного подчеркивания неравенства людей. Факт естественного неравенства, утверждает Поппер, нельзя отрицать, во многих отношениях его можно даже считать благотворным. Но иррационалисты намеренно выпячивают этот факт и часто выставляют неравенство необходимым принципом жизни. Действительно, на эмоциональном уровне людям свойственно разделять других на близких и неблизких, на друзей и врагов, но из этого не следует, что данную эмоцию надо возводить в принцип общественного устройства. В этом смысле требование политического равенства носит не эмоциональный, а рациональный характер, эгалитаризм — требование морального выбора. Иррационализм основан на теории, согласно которой сознание людей зависит от их общественного положения и национальных интересов и представляет собой некоторое сверхъестественное проявление

иррационального. Следствие такого подхода — обращение не к мыслям, а к их носителям. Отсюда вера в то, что мы «мыслим кровью», «национальным наследием» или «классом».

Иррационализм проявляет себя в социологизме. Представители социологии знания утверждают, что почти невозможно освободиться от тотальной идеологии, что ведет к отказу от идеи о единстве человечества. Социологизм достигает своего апогея в расистских доктринах. Одна из версий иррационализма в социологизме — религиозная, когда группа людей объявляет себя носителями божественной благодати, относя тем самым всех остальных к категории ушербных.

Иррационалист, кичащийся своим глубоким почтением к наиболее глубоким тайнам мироздания и своим проникновением в эти тайны, в действительности не уважает и не понимает таких тайн, а удовлетворяется дешевым рационализированием. Мифология иррационалиста есть рационализация иррационального. Иррационализм пытается рационализировать вещи, которые в принципе не поддаются рационализации, в частности уникальность отдельного человека. Рационализировать можно лишь типическое, общее, выраженное в абстрактной логической форме. Уникальный опыт (эмоции, ценности) невозможно рационализировать, попытка его рационализации ведет к искажению действительности и в конечном счете к принижению подлинных тайн бытия. «В реальности того ощущения, которое пытаются передать мистики, трудно усомниться. Хорошо известно, что терминология мистицизма, представления о мистическом единстве, мистической интуиции прекрасного, мистической любви во все времена заимствовались из сферы отношений между отдельными людьми, в особенности из опыта половой любви. Не приходится сомневаться, что это ощущение, это созерцание перенесено мистицизмом в область абстрактных универсалий, сущностей, форм и идей»⁸.

Одно из следствий иррационализма — миф о революции, что, согласно Попперу, есть «типичное выражение романтической истерии и радикализма, порожденного разложением племенного строя и напряжением цивилизации». «Эта разновидность христианства, советуемая создавать мифы взамен христианской ответственности, представляет собой первобытное христианство — христианство, отказывающееся продолжать развитие гуманизма. Берегитесь ложных пророков! То, за что они ратуют, не сознавая сами, — это утраченное единство племени. Возвращение к закрытому обществу,

которое они защищают, это возвращение к пещерному, животному состоянию»⁹.

Существуют иррационалисты, полагает Поппер, любящие человечество, существуют формы иррационализма, не порождающие преступности. «Однако я уверен: тот, кто учит, что править должен не разум, а любовь, открывает дорогу тому, кто будет убежден, что править должна ненависть»¹⁰. Сократ утверждал, что недоверие и ненависть к логическим доказательствам связаны с недоверием и ненавистью к людям. Любовь не предполагает беспристрастности, она не способна устранять конфликты. Любить человека — значит желать сделать его счастливым. Однако из всех политических идеалов наиболее опасны те, которые вдохновляются стремлением сделать человека счастливым. Такие идеалы неизменно приводят к попытке навязать другим свою систему «высших» ценностей с целью «спасти их души». Они ведут к утопизму и романтизму. «Попытка создать рай на земле неизбежно ведет к созданию преисподней. Она вызывает нетерпимость. Она вызывает религиозные войны и спасение душ посредством инквизиции»¹¹. Такое стремление основывается на полном непонимании морального долга людей, который состоит в том, чтобы помогать нуждающимся, а не в том, чтобы сделать человека счастливым. «“Высшие” ценности должны быть “вне повестки дня”, должны быть в той области, куда вмешиваться недопустимо»¹².

Иррационалистическое выпячивание страстей и эмоций, подводит итог Поппер, в конечном счете обосновывает преступление. Такое выпячивание страстей представляет собой в лучшем случае одну из форм смирения перед иррациональной природой человеческого бытия. В худшем случае оно есть выражение презрения к человеческому разуму, из чего следует обращение к принуждению и грубой силе как последним арбитрам в любом споре.

Итак, Поппер призывает быть рационалистом и бороться против иррационализма во всех его проявлениях. Используя свой метод фальсификации, он пытается доказать несостоятельность иррационализма, опираясь на логику и приводя различные аргументы. Однако заключительный аккорд в цепи его рассуждений таков: рациональным способом победить иррационализм невозможно, противостояние рационализма и иррационализма решается актом морального выбора. Иными словами, главное орудие борьбы против иррационализма — не разум, а моральный императив, интуитивно постигаемый человеком. Окончательная

⁹ Там же. С. 280.

¹⁰ Там же. С. 273.

¹¹ Там же. С. 274.

¹² Там же.

⁸ Поппер К. Р. Указ. соч. С. 284.

победа над иррационализмом переносится Поппером в сферу метафизики, понимаемой в духе трансцендентальной философии Канта. Наука не способна, по Попперу, обосновать истинность рационализма, его следует понимать как априорную норму должного, принимаемую на веру. В основу науки кладется вера, метафизика. «Кант был прав, когда основывал “золотое правило” на идее разума. В самом деле, невозможно доказать справедливость какого бы то ни было этического принципа... Однако, хотя и не существует “рационального научного базиса” этики, существует этический базис науки и рационализма»¹³. Наука моральна, именно иррационализм, а не рационализм несет ответственность за агрессию и войны. Конфликт науки и религии, заключает Поппер, поставленный не-критическим рационализмом, исчерпан в XIX в. В XX столетии, когда появляется подлинный рационализм (т.е. рационализм, предложенный им самим), выбор делается не между знанием и верой, а между двумя формами веры: верой в разум и верой в мистические способности людей. «Одновременно это – выбор между утверждением о единстве человеческого рода и утверждением, согласно которому люди должны быть разделены на друзей и врагов, господ и хозяев»¹⁴.

Проблема соотношения рационального и иррационального в жизни человечества в принципе не решаема (что Поппер и признает), поскольку упирается в конечный мировоззренческий вопрос о первичности материи и сознания, или, как сказали бы религиозные философы, вопрос о существовании Бога. Как правильно утверждали Маркс и Энгельс, это основной вопрос философии. Данный тезис можно усилить: это главный вопрос человеческой истории и человеческого бытия. Жизнь как биологический феномен и как феномен сознания глубоко иррациональна, т.к. непознаваема, ее источник, «перводвигатель», по-видимому, навсегда останется в области гипотез. Биологическое и ментальное, материя и сознание, плоть и дух являются нераздельными элементами природы человека. Определить, какой из элементов ведущий, а какой – ведомый, до конца невозможно. В этой гносеологической лакуне и рождаются бесчисленные концепции о роли рационального и иррационального в жизни людей. Очевидно, что только благодаря сознанию человек выходит из животного состояния, создает духовность и культуру. Но основная задача культуры – защита биологической жизни, да и само сознание – элемент жизни. Социальная организация, государство, право невозможны без достаточно высокого уровня сознания, они есть следствие высокой духовности, но служат

главным образом защите жизни как биологического феномена. В этом отношении сознание выполняет служебную, подчиненную роль. Как верно заметил Поппер, философия возникает как способ на абстрактном уровне решить базовые человеческие проблемы, а они в основном имеют материальную природу. В целом он трезво смотрит на человеческий мир, признавая ограниченные возможности разума, но его стремление максимально рационализировать жизнь, отдает утопизмом. Превознося достоинства разума, Поппер выдает желаемое за действительное. Он ратует за повышение роли рационального в жизни людей именно потому, что она переполнена иррациональным, он взывает к рационализму, понимая его слабость. Именно поэтому противостояние рационализма и иррационализма Поппер переводит в плоскость морали и воли, т.е. делает примерно тоже, в чем обвиняет иррационалистов.

Поппер – сторонник социальной инженерии, что делает его прямым наследником эпохи Просвещения, когда было предложено организовывать жизнь по законам ньютоновской механики. Односторонний рационализм, неумеренное превознесение созидательных свойств человека обернулись созданием социальных утопий, реализованных в XX в. в виде кровавых тоталитарных диктатур. Поппер, выступая за усиление роли разума, рассчитывает избежать тоталитаризма в будущем. На самом деле он стоит на той же мировоззренческой платформе, что и реформаторы разных мастей, деятельность которых приводила к массовому террору. Поппер критикует представителей социологизма за их предложение установить «рациональный контроль над социальными изменениями», поскольку, как ему представляется, отсюда вырастает требование расширения полномочий государства. Вместе с тем его идея социальной инженерии практически имеет ту же цель – введение рационального контроля над проявлениями иррационального, а всякий контроль немислим без соответствующих институтов власти.

Невозможно с точностью установить, чего больше в становлении различных форм политической власти – рационального или иррационального. Тоталитарные режимы XX в. – это одновременно и иррациональная воля масс, свергших их самих в кровавое месиво, и следствие вполне рационального практического внедрения концепций в жизнь. Либеральную демократию и правовое государство на Западе также можно рассматривать двояко. С одной стороны, это проявление иррациональных материальных интересов буржуа, с другой – рациональная деятельность по созданию безопасной и комфортной для человека социальной организации. И все же рационализм выглядит слабой тусклой звездочкой на фоне кромешной тьмы

¹³ Поппер К.Р. Указ. соч. С. 275.

¹⁴ Там же. С. 285.

иррационализма. Человек, общество, культура, государство, право возникают как следствие некоей силы жизни, недоступной нашему познанию. Исчезает человек, угасают его сила, воля и энергия — распадаются все формы культуры, духовность исчезает. Как верно сформулировал Л. Н. Гумилев, каждый этнос в качестве биологического организма рано или поздно достигает своего пассионарного пика, после чего быстрее или медленнее угасает и уходит из истории. Империи и малые государства рушатся не потому, что попадают в точку пересечения неблагоприятных факторов (природных и социальных), а в силу истощения их жизненной силы, биологической энергии. И разум здесь не спасает, он не способен приказать и наполнить народ энергией. Точно также разум не в состоянии обуздать инстинкты масс и их политических руководителей, когда речь идет о жизненно важных целях. Инстинкты (природа, иррациональное) делают разум своим инструментом, зачастую весьма разрушительным.

Факты, нормы, истина

Гносеология Поппера направлена против релятивизма и скептицизма. Казалось бы, предложенный им метод фальсификации как раз и должен вести к релятивизму (поскольку нацеливает на выявление ошибочности теории), но на самом деле его назначение — неуклонное движение к истине. В практическом плане тема релятивизма у Поппера имеет в виду политическую цель: обоснование либеральной демократии и борьбу с тоталитаризмом. Между начальной гносеологической установкой и конечной политической целью лежит длинная цепочка рассуждений о фактах, нормах и критериях истины.

Поппер утверждает, что упадок влияния авторитарной религии привел к широкому распространению релятивизма и нигилизма. Интеллектуальный и моральный релятивизм, с его точки зрения, — главная болезнь философии нашего времени. Моральный релятивизм частично основывается на интеллектуальном. Под релятивизмом (скептицизмом) понимается концепция, согласно которой выбор между конкурирующими теориями произволен. В основе такого подхода лежит убеждение, что объективной истины нет, как и нет способов определить, какая теория ближе к истине. Необходимо, рассуждает Поппер, провести различие: одно дело — знать, какой смысл имеет термин «истина», другое дело — иметь критерий разграничения истины и ложного высказывания. Теория, согласно которой для определения смысла некоторого слова следует установить критерий правильного использования или применения его, ошибочна: на практике в нашем распоряжении никогда не бывает

таких критериев. «Философия критериев» (только обладание определенными критериями позволяет выявить истину) лежит в основе многих философских учений, ее принятие ведет к релятивизму и скептицизму. Обладать истиной, согласно Попперу, можно и без наличия критериев истины. Универсальный критерий истины невозможен (здесь он ссылается на логическую теорему А. Тарского). В основе релятивизма лежит логическое недоразумение: смешение значения термина и критерия его правильного использования. Релятивизм и скептицизм содержат зерно истины (отрицание существования универсального критерия истины), но это не означает, что выбор между конкурирующими теориями произволен. Смысл отрицания существования универсального критерия следующий: мы всегда можем ошибиться при выборе теории, т.к. теория, которая на сегодняшний день считается истинной, завтра может оказаться ложной¹⁵. «Наука погрешима, ибо наука — дело рук человеческих»¹⁶. Однако учение о погрешимости не дает никаких поводов для скептицизма и релятивизма. Каждый раз, когда обнаруживается ошибка теории, наше знание совершает очередной шаг вперед на пути нашего познания. Позиция погрешимости состоит в том, что следует стремиться обнаруживать свои ошибки или иначе стараться критиковать свои теории. Критика — это единственный доступный способ обнаружения ошибок и единственный систематический метод извлечения из них уроков. Центральное ядро всех этих рассуждений, делает вывод Поппер, — идея роста знания или, иными словами, идея приближения к истине. Далее следует принципиальная установка: любой источник знания (традиция, разум, воображение, наблюдение и т.п.) не может считаться авторитарным, т.е. выведенным за рамки критики. В данном случае Поппер отстаивает предлагаемый им критический метод, указывая на необходимость и его проверки тоже. Действенная критика теории, полагает он, состоит в указании на неспособность теории объяснить те проблемы, для решения которых она первоначально предназначалась. Принятые решения в любой момент могут быть пересмотрены, если будет видно, что они ошибочны¹⁷.

Данные положения конкретизируются в теории норм и фактов. Положение в мире норм (особенно в сфере морали и политики), утверждает Поппер, схоже с положением, сложившемся в мире фактов. Дуализм фактов и решений (норм) можно описать как дуализм предложений и предложений-проектов. И предложения, фиксирующие факты, и предложения-проекты, предлагающие линии

¹⁵ См.: Поппер К. Р. Указ. соч. С. 444–447.

¹⁶ Там же. С. 448.

¹⁷ См.: там же. С. 449, 450, 452, 454–456.

поведения, включая принципы и нормы политики, открыты для рациональной дискуссии. Между предложением и предложением-проектом есть важное различие. Предложение-проект создает некоторую линию поведения или норму, что не является фактом. Таким образом, следует констатировать дуализм фактов и норм (линий поведения), который нельзя устранить: нормы несводимы к фактам, хотя нормы всегда связаны с фактами, а факты оцениваются согласно нормам. Факты и нормы подчинены регулятивным идеям. В мире фактов такой регулятивной идеей является идея истины, в мире норм — идея справедливости или добра. По поводу некоторого предложения-проекта можно сказать, что оно является справедливым (или несправедливым) или добрым (или злым). Саму норму также можно оценивать как справедливую (несправедливую) и добрую (злую)¹⁸.

По Попперу, поскольку люди сами создают нормы, на них лежит ответственность за определение их справедливыми (несправедливыми) и добрыми (злыми). Авторитет создателя норм не гарантирует справедливости или добра нормы. Никакое обращение к авторитету не может избавить от собственной оценки норм. Регулятивная идея абсолютной справедливости и абсолютного добра отличается от регулятивной идеи абсолютной истины. Вместе с тем можно использовать идею абсолютной истины как соответствия фактам в качестве своего рода образца для мира норм. Это нужно для того, чтобы найти и руководствоваться наиболее верным проектом (нормой). При этом распространение такого подхода с процесса поиска на его результат представляется Попперу ошибочным. Конечно, разъясняет он, следует искать абсолютно справедливые или абсолютно верные проекты, но не следует себя убеждать, что удалось их обнаружить. Попперу очевидно, что критерий абсолютной справедливости невозможен еще в большей степени, чем критерий абсолютной истины. Хотя в нашем распоряжении нет критерия абсолютной справедливости, делает он вывод, верные открытия здесь возможны (например, несправедливость жестокости). Несмотря на различие норм разных культур, люди, если они заинтересованы в истине, могут выслушивать друг друга и учиться друг у друга. Познание норм должно строиться методом проб и ошибок¹⁹.

Все эти рассуждения нужны Попперу для того, чтобы связать их с политикой. Дуализм фактов и норм, заявляет он, есть одна из основ либеральной традиции. Ее неотъемлемой частью является признание существования несправедливости и решимость помочь ее жертвам. Это означает, что

имеется (или возможен) конфликт между фактами и нормами. Факты могут отклоняться от справедливых (верных или истинных) норм. Либерализм основывается на дуализме фактов и норм в том смысле, что его сторонники всегда стремятся к поиску все лучших норм, особенно в сфере законодательства и политики²⁰. Релятивисты отрицают дуализм фактов и норм, что в политическом отношении опасно. Если отказаться от дуализма норм и фактов, нельзя ставить вопрос о справедливости или несправедливости того или иного движения за реформы и соответственно о справедливости или несправедливости существующей власти. Философия релятивистов, отождествляющая нормы и факты, ведет к отождествлению норм с фактом действующей власти и в конечном счете — к оправданию аморализма и тоталитаризма²¹.

Поппер признает, что проблема истины применительно к социальным нормам, к культуре стоит особым образом. Если в науке истина есть соответствие фактам, то в культуре очень многое субъективно. Культура многообразна, а ее формы уникальны, привести их к общему знаменателю почти невозможно. Как верно отмечали Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер, национальные культуры имеют больше различий, чем общего. Пытаться применить к национальным формам культуры номотетический (обобщающий, ищущий закономерности) метод практически невозможно, ее можно только описывать, т.е. использовать идеографический метод. Культура объективна в том смысле, что она обусловлена антропологическими, социальными и природными факторами, но критерии культуры вырабатываются самим этносом, они не имеют универсального характера. Поппер это понимает и потому делает массу оговорок о специфике проблемы истины применительно к социальным нормам. Вместе с тем он убежден, что ценности либеральной демократии и гуманизма в известном смысле абсолютные, т.е. должны быть ориентиром для любого народа. Доказать данный тезис при помощи науки невозможно (что Поппер признает), остается одно — апелляция к неким априорным принципам «высшей человеческой духовности», т.е. к метафизике. В данном случае метафизика удобна тем, что позволяет обосновывать ценностные приоритеты, не опираясь на аргументы науки. Поппер, признавая относительность социальных норм, рассуждает как типичный релятивист, что вносит трезвый реализм в его позицию. Но, руководствуясь своими политическими и ценностными установками, он требует сделать их образцом, нормой жизни и поведения для всех. Поппер выступает против релятивизма потому, что тот может

¹⁸ См.: Поппер К.Р. Указ. соч. С. 441, 458–460.

¹⁹ См.: там же. С. 461–463, 466, 467.

²⁰ См.: там же. С. 469.

²¹ См.: там же. С. 469, 470.

служить обоснованием тоталитаризма. Релятивизм (скептицизм) для него опасен своим соглашательством, терпимостью в отношении тоталитарных диктатур. Отсюда — его обращение к метафизике, которая хоть в какой-то мере, с его точки зрения, может противостоять антигуманизму и антилиберализму. Здесь опять становится очевидным, что Поппер готов ради своих ценностных идеалов игнорировать реализм (рационализм, если использовать его собственную терминологию) и доводы науки. Таким образом, отвергая релятивизм в оценке культуры, Поппер становится типичным утопистом.

Гносеология Платона

Как отмечалось выше, философия для Поппера — это способ решения жизненных проблем, но на высоком абстрактном уровне. Подлинная философия, утверждает он, идет от жизни, от ее проблем, если она отрывается от них, следует ее вырождение. Без знания этих проблем многие тексты философской классики кажутся криптографией или просто бессмыслицей. К философии Платона Поппер подходит с этих же позиций. Он убежден, что гносеология Платона идет от политики, определяется политической обстановкой, в которой он жил. Распад архаичных форм жизни, утрата греческой аристократией своих позиций (а Платон из аристократической семьи) вело к ощущению всеобщего вырождения, обращения стабильных форм в хаос. Гераклит и Парменид, напуганные возможным наступлением хаоса, попытались найти некую неразлагаемую сущность вещей, которая могла бы внести в мир стабильность. Платон, развивая эту установку, создал свою теорию идей (или форм), в которых он увидел совершенные сущности, не знающие упадка. Текущие, вырождающиеся и разлагающиеся вещи являются потомками совершенных вещей. Оригинал текущей вещи — форма, идея, которую Платон считает реальной вещью. Идеи совершенны и бессмертны, существуют вне времени и пространства, хотя и взаимодействуют с ними. Будучи вне времени и пространства, они не могут восприниматься нашими чувствами²². Одна из главных форм — совершенное государство, к которому надо стремиться. «Если все вещи пребывают в состоянии непрерывной изменчивости, — рассуждал Гераклит, — то о них невозможно сказать ничего определенного. Мы не можем иметь о них подлинного знания — в лучшем случае, мы способны составить о них смутное и обманчивое “мнение”»²³. С точки зрения Парменида, «чистое разумное познание» может иметь своим предметом

только неизменный мир, и только данному познанию этот мир доступен. Однако, утверждает Поппер, представленная Парменидом действительность не имела никакого отношения к миру вещей. «Платон не мог этим удовлетвориться. Как ни презирал он этот текучий эмпирический мир, в глубине души этот мир очень волновал Платона... Платон стремился получить не мнение, а чистое рациональное знание о неизменном мире — такое знание, которое в то же время можно было использовать для исследования изменчивого мира, и в частности изменчивого общества, для познания странных законов, управляющих политическими изменениями. Цель Платона состояла в открытии высочайшего знания политики, т.е. искусства управления людьми»²⁴.

Согласно Попперу, Платон считал политическую науку неспособной получать точное знание, поскольку в политике (а это часть меняющегося мира) нет стабильных объектов. В этой ситуации Платон воспользовался методом Сократа, майевтикой, т.е. таким средством познания, когда с помощью последовательных конкретизирующих вопросов устанавливается суть вещей. Несмотря на то что о текучем знании не бывает, возможно знание о сути чувственных вещей. Поскольку знания о чувственных вещах не может быть, Платон стремился обрести такое знание, которое было бы как-то связано с чувственными вещами и применимо к ним. Его теория идей становится методологией исследования чувственных вещей и сводится к трем основным функциям. Во-первых, она является важнейшим методологическим инструментом, позволяющим получить чистое знание о текучем мире, в т.ч. об изменчивом мире политики. Во-вторых, дает ключ к исследованию истории человечества, ее изменений и упадка. В-третьих, позволяет создавать социальную инженерию, которая сдерживает разложение и указывает путь к вечному образцу (идея государства).

Поппер называет методологию Платона методологическим эссенциализмом, главная особенность которого — отыскивать сущность вещей с помощью интеллектуальной интуиции. Эссенциалистский метод, отмечает он, распространен в общественных науках, что тормозит их развитие и делает отсталыми. Довод сторонников эссенциализма в общественных науках обычно такой: поскольку в социальной жизни все очень изменчиво, необходимо отыскивать сущность социальных явлений. Так, правительства разных стран и эпох настолько разные, что только определение их сущности может дать о них более или менее точное представление. Методологическому эссенциализму противостоит методологический номинализм,

²² См.: Поппер К.П. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 57, 58.

²³ Там же. С. 60.

²⁴ Там же. С. 61.

который стремится не к постижению сущности вещи, а к описанию поведения вещи в различных условиях и поиску ее закономерностей. Для методологического номинализма цель науки — описание вещей и событий, представленных в опыте, а также их объяснение при помощи универсальных законов. Слова здесь являются лишь вспомогательным инструментом, а не именами сущностей. Методологический номинализм широко распространен в естественных науках²⁵.

Эссенциалистский метод, утверждает Поппер, Платон применяет в социальной философии и социологии: «Платон был одним из первых социальных философов и до сих пор, без сомнения, остается самым влиятельным из них. Он был социологом именно в том смысле, в каком понимали термин “социология” Конт, Милль и Спенсер. Иначе говоря, он успешно применял свой идеалистический метод к анализу общественной жизни человека, законов ее развития, а также законов и условий сохранения ее стабильности»²⁶. «Платоновская социология представляет собой своеобразную смесь теоретических спекуляций с острым видением фактов»²⁷. На этой идеалистической основе, с точки зрения Поппера, Платон строит «поразительно реалистическую теорию общества». Опираясь на свою эссенциалистскую методологию, он формулирует главный, как ему представляется, социологический закон: человеку и обществу свойственна историческая тенденция к вырождению, приверженность вещей к разложению в этом мире непрерывно возрастает (при этом не исключается чрезвычайно редкое движение в обратном направлении). Человек, высочайшее из животных, создан богами, другие животные произошли от него в процессе вырождения и разложения. Сначала некоторые мужчины — трусы и жулики — выродились в женщин, затем — в разных животных. Всякое изменение есть зло, покой божествен. Чувственная вещь тем менее подвержена разложению, чем более она напоминает свою форму. Всякое изменение, снижая меру сходства вещи с ее формой, делает вещь другой, а потому и менее совершенной»²⁸.

Непосредственная связь гносеологии Платона с его политическими взглядами проявляется, согласно Попперу, в проблеме соотношения природных законов и нормативных (установленных людьми) фактов и решений. Как полагает Поппер, есть принципиальное различие между природными законами и нормативными. Первые отражают неизменную регулярность, не могут быть нарушены

или созданы, вторые устанавливаются человеком, относительно (поскольку дают ориентиры поведения, а в разных культурах они разные) и потому не имеют отношения к истине. Эти два вида законов не имеют между собой ничего общего, что, однако, не является общепризнанным. Так, многие мыслители считают, что некоторые человеческие нормы соответствуют природе человека, а значит, являются законами природы.

Рассмотрение политических взглядов Платона, продолжает Поппер, требует анализа истории формирования различия между естественными и нормативными законами. Начальный пункт такого понимания — наивный монизм (особенно характерный для закрытого общества), завершающий этап — критический дуализм (свойствен открытому обществу). На этапе наивного монизма различие между природными и нормативными законами еще не проводится. Данный этап имеет две стадии: наивный реализм и наивный конвенциализм. На первой стадии природные и нормативные законы считаются безличными и неизменными. На второй — оба вида законов воспринимаются как «решения человекоподобных богов и демонов». В этом случае допускается возможность изменения этих законов, на чем основывается магия. Когда приходит осознание, что социальные нормы установлены людьми и их можно безнаказанно нарушать (если удастся избежать наказания), осуществляется переход от наивного монизма к критическому дуализму (критическому конвенциализму). Эта позиция, отмечает Поппер, впервые была сформулирована софистом Протагором, но до настоящего времени еще плохо понята. Согласно критическому дуализму нормативные законы могут вводиться или изменяться человеком (договором или решением), а потому он несет за них ответственность. При этом Поппер специально оговаривается, что искусственность человеческих норм не означает их произвольность и что они не подлежат моральной оценке²⁹. Логическое развитие дуализма природных и нормативных законов, по Попперу, ведет к признанию другого, более общего положения — дуализму фактов и решений. Речь идет о том, что решения людей (в области морали и права) хотя и обусловлены фактами природной и социальной жизни, не выводимы из них и не сводимы к ним.

Между наивным монизмом и критическим дуализмом, утверждает Поппер, существует немало промежуточных форм, среди которых он выделяет три главные. Первая — биологический натурализм (биологическая форма этического натурализма): нормативные законы имеют своим истоком природные законы. Биологическим натурализмом пользовались как эгалитаристы, так

²⁵ См.: Поппер К. Р. Указ. соч. Т. 1. С. 63–66.

²⁶ Там же. С. 67.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: там же. С. 68–70.

²⁹ См.: там же. С. 91–96.

и антиэгалитаристы. Так, антиэгалитаристы (например, Платон) утверждают, что естественное неравенство – основа общественного устройства; по закону природы сильный свободен, а слабый – его раб (противопоставление греков и варваров). Эгалитаристы (например, софист Антифонт) считают большую часть созданных человеком норм производными (например, устанавливающие рабство), тогда как законы природы неумолимы.

Вторая форма – этический позитивизм: социальные факты – дело рук человека, это и есть нормы, которыми следует руководствоваться; идеалы – это фантазии, не имеющие отношения к действительности; человек не способен оценивать социальные нормы, только общество вырабатывает критерии оценки. Исторически этический позитивизм служил консерватизму и авторитаризму, но может отстаивать эгалитаристские и гуманистические идеи. Первая и вторая формы схожи в своем стремлении свести нормы к фактам.

Третья форма (ее предложил Платон) – спиритуалистический (психологический) натурализм, объединяющий первые две формы: нормы и государство конвенциональны, но их природа духовна. Платон рассматривает противоположность между природой и соглашением (искусством) как противоположность между истиной и ложью, реальностью и видимостью. Он называет природным то, что соответствует идее, форме, а поскольку душа ближе к форме, чем тело, природой человека является его душа. Поскольку закону и порядок проистекают из души, они также существуют по природе вещей. Такая логика, отмечает Поппер, нацелена на оправдание неизменности общественного устройства: идеи вечны и неизменны, порядок и законы – производное человеческого разума, истоки которого расположены в мире идей, следовательно, законы и порядок должны быть неизменными. Как полагает Поппер, концепция спиритуалистического натурализма «мутная и неопределенная», способна защитить любые воззрения, Платон использует ее для обоснования консерватизма. Спиритуалистический натурализм – основа историцизма, т.к. предлагает обращаться к происхождению всех вещей как к их природе. Обобщенная оценка философии Платона такова: «Бросая общий взгляд на платоновскую теоретическую конструкцию, попробуем догадаться о проекте, по которому она была построена. В этом проекте, созданном великим архитектором, ясно различим фундаментальный дуализм платоновской мысли. В области логики этот дуализм проявляется в форме противопоставления Единого и Многого. В области эпистемологии рациональное знание, основанное на чистом мышлении, противопоставляется мнению, основанному на индивидуальном опыте. В области онтологии это – противопоставление

одной, неизменной и подлинной реальности многим изменчивым и обманчивым видимостям, чистого бытия – становлению, точнее – изменениям. В области космологии то, что созидает, противопоставляется тому, что создается и разваливается. В этике благо, т.е. то, что сохраняет, противопоставляется злу, т.е. тому, что растлевет. В политике – это противопоставление единого коллектива, государства, способного достичь совершенства и автаркии, огромной массе индивидов, частных граждан, всегда остающихся несовершенными, чьи особенности должны подавляться во имя сохранения единства государства. Я думаю, этот платоновский дуализм коренился в его сильнейшей потребности объяснить противоположность между мечтой об идеальном обществе и ненавистным ему действительным положением дел в общественной жизни – противоположность между стабильным обществом и обществом, находящимся в процессе революционных преобразований»³⁰.

Гносеология Платона, делает вывод Поппер, тормозит развитие сознания в сторону критического дуализма. При этом подчеркивается, что гносеология Платона – только частный случай двух главных тенденций, мешающих распространению критического дуализма: 1) стремление к монизму, к сведению норм к фактам; 2) стремление не замечать (из страха), что ответственность за этические решения лежит на самом человеке и не может быть передана никому – ни Богу, ни природе, ни обществу, ни истории.

Утверждение Поппера, что эссенциализм тормозит развитие общественных наук, вызывает сомнения. Методология эссенциализма есть, по сути, использование метафизики, т.е. изучение действительности в контексте некоей смысловой картины мира, избираемой без доказательств, на веру. Поппер, доказывая необходимость метафизики для научных исследований, фактически избирает платоновский метод эссенциализма, не признавая этого. Эссенциалисты (если пользоваться этим термином) правы в том, что мир текуч, каждый раз он новый. Мир явлений, предстающий познающему субъекту, бесконечно многообразен, подвести их под некий общий знаменатель невозможно. Единственный способ – на основе метафизики построить смысловую модель и с ее помощью производить отбор социальных фактов, давая им ту или иную интерпретацию. Поппер предлагает отказать от методологии эссенциализма в пользу методологии номинализма, т.е. встать на позиции классического позитивизма. Но позитивистская социология даже на этапе своего расцвета (вторая половина XIX – первая треть XX в.) убедительно показала, что без метафизических ориентиров

³⁰ Поппер К.Р. Указ. соч. Т. 1. С. 120, 121.

создать законченные социологические концепции невозможно. Всегда оказывалась нужна обобщающая теория, т.е. метафизика, благодаря которой объяснялись факты. Для Поппера эссенциализм Платона опасен тем, что с его помощью оправдывается тоталитарный строй. Однако либеральную демократию стран Запада также всегда обосновывали и продолжают обосновывать при помощи метафизики: идеи свободы, равенства, справедливости в буржуазном понимании (Поппер имеет в виду именно буржуазную социальную модель) не универсальны, они требуют веры, т.е. мировоззренческого, метафизического обоснования. Тезис Поппера, что эссенциализм тормозит социальную науку, не совсем точен. Социальную науку тормозит не метафизика (эссенциализм), а специфика социальной материи, познать которую научными средствами невозможно. Предлагать (как это делает Поппер) использовать позитивистскую (естественнонаучную) методологию для исследования социальных проблем означает заведомо ограничивать свой исследовательский горизонт. В данном случае Поппер противоречит своей изначальной установке о том, что метафизика (интуиция) всегда предшествует научному познанию. Человеку нужен не только набор фактов, но и их смысловая трактовка.

Одна из ведущих идей Поппера состоит в том, что познавать мир следует через призму дуализма фактов и решений, природных законов и нормативных. Его теория критического дуализма нацелена на отрицание позиции, согласно которой законы человеческого поведения жестко определяют поведение и судьбу людей. Поппер подчеркивает, что решения людей, хотя и связаны с фактами природной и социальной жизни, определяются не ими. Здесь Поппер поднимает старый философский вопрос о свободе воли и степени детерминированности поведения человека природными и социальными факторами. Его позиция сводится к простой формуле: человек — хозяин собственной судьбы и должен брать ответственность на себя за свое будущее. Данная аргументация — это подготовка к его теории историцизма. Деспотизм, различные формы угнетения и тоталитаризм, согласно Попперу, не являются фатальными, им следует активно противостоять. Тезис «решения не выводятся из фактов» широко распространен среди идеалистов разных мастей. Ближе всего Попперу Кант, который постулировал наличие априорных принципов морали — категорического императива. Поведение человека определяется не фактами природной и социальной жизни, а разумом и императивами морали. Если наступает тоталитарная диктатура, с ней следует бороться, а не подчиняться как некоему природному закону. В такой позиции Поппера больше пропагандистских лозунгов, чем рационального осмысления

ситуации. Становление фашистских и коммунистических диктатур XX в. происходило естественным путем, сами массы активно участвовали в их создании. Диктатуры рухнули не вследствие действия категорического императива, а в результате либо военного поражения, либо полной дискредитации среди широких народных масс. И напротив, либеральная модель привлекает все больше людей также не из-за т.н. высоких моральных стандартов (моральные образцы — вещь относительная), а просто потому, что либеральная демократия дает гарантии личной и общественной безопасности, делает жизнь людей более комфортной. Если психология и идеология народных масс меняет в силу каких-то исторических причин свой вектор в сторону антилиберализма, диктатура и тоталитаризм устанавливаются вновь. Призывы к «высокой морали» в этом случае не помогают.

Историцизм и социальная инженерия

Одна из главных целей эпистемологии Поппера — доказать «нищету историцизма» — концепции, восходящей, как ему представляется, к Платону, а позднее развитой Гегелем и Марксом. Концепция критики историцизма — это своеобразная философия истории, где гносеология призвана подорвать теоретические основы политических доктрин, ведущих, по убеждению Поппера, к разным формам угнетения и деспотизма. Наиболее яркое воплощение историцизма он усматривает в фашизме (расизме) и марксизме.

Суть историцизма, как она видится Попперу, сводится к нескольким простым тезисам: история управляется законами, где нет места индивидуальной инициативе; историцизм перекладывает ответственность с личности на безличные силы истории, что ослабляет активность людей в борьбе за демократию и открывает дорогу тоталитаризму. Историцизм многолик и, согласно Попперу, предстает в форме теистического историцизма (закон исторического развития установлен Божьей волей), натуралистического историцизма (закон развития — это закон природы), спиритуалистического историцизма (действует закон духовного развития), экономического историцизма (доминирует закон экономического развития) и др. Историцизм имеет три аспекта: гносеологический, морально-психологический и политический. В гносеологическом плане историцизм, утверждает Поппер, есть разновидность иррационализма. Разочарование в рационализме влечет за собой веру в историческое предопределение. Историцисты видят в общественных науках форму пророчества, что ведет к отрицанию применимости науки к проблемам общественной жизни, а это прямой путь к обоснованию тоталитаризма. Гносеологическая опора

историцизма — не наука, а метафизика, которая оперирует не аргументами, а бездоказательными аксиомами, принимаемыми на веру³¹.

В морально-психологическом отношении историцизм отвергает идею личной инициативы и личной ответственности. Историцист рассматривает индивида как пешку в общем процессе поступательного движения человечества. Значительные действующие лица в истории — это либо великие нации, либо великие вожди, либо великие классы, либо великие идеи. Проблема дуализма фактов и решений вызывает у историциста страх, он боится признать ответственность за избираемые им стандарты поведения и предлагает считать их навязанными историей. Историцист испытывает ужас перед социальными изменениями, понимая их неизбежность, он считает необходимым поставить их под контроль. В конечном счете историцизм есть бунт против цивилизации, под которой Поппер понимает либеральную демократию: историцист не приемлет либеральные ценности, усматривая в них угрозу стабильности и порядку³².

Политический аспект историцизма наиболее опасен. Поскольку историю изменить нельзя, на первый план выходит знание этих законов и право их толковать. Обладатели этого знания претендуют на абсолютную истину и берут на себя роль пророков, которым следует верить и подчиняться. Историцистские концепции связывают реализацию исторических законов с какой-то избранной социальной группой (избранная раса у нацистов, пролетариат у Маркса). По логике Поппера, историцизм манипулирует историей, превращая ее в политическую идеологию, которую используют антилиберальные силы с целью захвата власти и управления массами. История становится одним из способов установления диктатур.

Первые историцистские доктрины, утверждает Поппер, возникают в античности. Как отмечалось выше, гносеология эссенциализма у древних греков возникает из страха перед текучестью материи, что, в частности, проявлялось в изменчивости мира политики. Стремление отыскать сущность вещей диктовалось установкой обрести абсолютные основы бытия, что применительно к истории выразилось в желании найти ее универсальные и неизменные законы. По существу, согласно Попперу, речь шла о том, чтобы посредством открытых законов установить контроль над жизнью и постараться избежать социальных катаклизмов. Для Гераклита (первооткрыватель закона текучести) и его последователей (Парменид, Демокрит, Платон, Аристотель) это означало возвращение позиций,

утраченных аристократией, и борьбу против демократии. В целом, обобщает Поппер, историцизм возникает как реакция на разрушение привычных форм жизни. Так, в Европе историцизм возродился в эпоху буржуазных революций.

Выше отмечалось, что главный социологический (он же исторический) закон, который вывел Платон, — закон вырождения. Данный закон — проявление одного из космических законов, имеющего два цикла: 1) совершенствование и развитие и 2) гниение и распад. Вырождение общества начинается с расового вырождения, что влечет за собой моральное и, наконец, политическое вырождение. Платон жил в период распада и верил, что закон вырождения может быть нарушен волей, моралью и разумом человека. Отсюда — его идея о философах-правителях, которые могут переломить этот закон. Платон верил в возвращение золотого века, в возможность остановить процесс политического распада путем задержки всех политических изменений. Добиться этой цели он пытался при помощи установления государства, свободного от пороков, связанных с изменением и загниванием, государства, находящегося в остановленном состоянии. Провозглашая идеал неразвивающегося государства, делает вывод Поппер, Платон радикально отходит от догмы историцизма. Создавая теорию идей, он попытался совместить вечное (сущность вещей) и меняющееся (их проявление)³³.

По Попперу, историцизм Платона состоит также в том, что он сводит всю методологию социальных наук к одному методу — историческому. История, получив лишь инструментальную роль, лишается статуса самостоятельной науки. Данная метаморфоза предопределена гносеологией эссенциализма: поскольку задача науки состоит в изучении природы вещей (человека, общества, государства), т.е. в понимании Платона — их происхождения, то методом всякой науки должна стать история.

В этой связи Поппер дает свою трактовку исторической науки, направленную против историцизма. С его точки зрения, задача истории состоит в том, чтобы анализировать отдельные события и объяснять их причины. История как совокупность неких знаний не может претендовать на статус научной теории и является лишь «общей интерпретацией» исторических фактов. Данный тезис выводится из более фундаментального положения, что человечество не имеет никаких исторических законов, а значит, не стоит задача «повиноваться истории» и следует быть творцом своей собственной судьбы. Объяснение дается следующее. Знание

³¹ См.: Поппер К.Р. Указ. соч. Т. 1. С. 31, 33, 34, 39.

³² См.: там же. С. 35, 38.

³³ См.: там же. С. 51, 52.

об исторических фактах получают из источников, а они всегда пронизаны какой-либо теорией. Исторический факт становится предметом внимания и описания в источнике потому, что представляет интерес для теории, каким-то образом ее объясняет и подтверждает. В этом отношении первичен не исторический факт, а теория, ее объясняющая. Исторический факт может и не оказаться в источнике, если ее автор считает его второстепенным с точки зрения теории, с позиции которой отыскиваются и описываются факты. Кроме того, перечень исторических фактов носит исчерпывающий характер, как правило, трудно отыскать новые факты, с помощью которых можно было бы проверить уже известные факты научным способом. Таким образом, любая историческая теория всегда тенденциозна, всегда представляет собой не науку, а историческую интерпретацию. Отсюда — решающая роль интерпретаций, которые каждый раз могут быть новые. Из сказанного не следует, что все интерпретации равноценны. Во-первых, всегда есть интерпретации, которые не соответствуют фактам. Во-вторых, есть интерпретации, требующие правдоподобных, вспомогательных гипотез для того, чтобы избежать фальсификации таких интерпретаций с помощью исторических данных. В-третьих, существуют интерпретации, в рамках которых некоторые факты не согласуются между собой, в то время как эти факты вполне согласуются и тем самым объясняются с помощью другой интерпретации. Следовательно, возможен значительный прогресс даже в области исторических интерпретаций. Даже взаимоисключающие интерпретации могут быть вполне совместимы, если считать их только точками зрения. Так, можно с одинаковой убедительностью написать историю человеческого как прогресса, так и регресса. Эти две истории будут не исключать, а дополнять друг друга. Поппер выступает за конкуренцию исторических интерпретаций³⁴.

Историю следует считать интерпретацией, а не наукой еще потому, утверждает Поппер, что в этом случае она не сковывает инициативу людей, а мобилизует ее на решение стоящих перед ними задач. Каждое новое поколение вправе и обязано толковать историю так, чтобы она помогла ему понять собственные проблемы и найти способы их решения. «Не может быть истории “прошлого в том виде, как оно действительно имело место”, возможны только исторические интерпретации, и ни одна из них не является окончательной»³⁵. По логике Поппера, есть два вида интерпретации. Первый нацелен на удовлетворение потребности людей решать практические проблемы, второй

предполагает поиск сущности человеческой судьбы, постижение ее с помощью интуиции. Этот второй вид и является историцизмом.

Историцизму Поппер противопоставляет свое понимание истории. Как он полагает, единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни. Обычно в ранг мировой истории возводят историю политической власти, т.е. историю международных преступлений и массовых убийств, что «оскорбительно для любой серьезной концепции развития человечества»³⁶. Такая история пишется профессорами истории под надзором генералов и диктаторов. Реальная история человечества — это история каждого из живших когда-то людей, но такой истории никто не знает. История как объективный процесс не имеет смысла, сами люди вносят в нее смысл, приписывая ей свои цели. Социальные институты (прежде всего государство) по большей части иррациональны и также не имеют смысла, смысл вносит в них человек, требуя, например, установления контроля над властью, демократии и правовой защищенности³⁷.

Антипод историцизма, согласно Попперу, — социальная инженерия частных решений («технология постепенных социальных преобразований»), т.е. принципы демократического переустройства общества. Социальная инженерия, разъясняет он, пытается расчистить путь для рационального подхода к проблемам социальных реформ. Сторонник социальной инженерии не будет интересоваться (в отличие от историциста) происхождением института или первоначальными намерениями его основателей. К проблеме он будет подходить технологически: что надо сделать, чтобы решить проблему, исходя из поставленных целей. Социальный инженер рассматривает институты рационально, как средства, обслуживающие определенные цели, и оценивает их исключительно с точки зрения их целесообразности, эффективности, простоты и т.д. Социальная инженерия и историцизм нередко совмещаются (пример — философия Платона), однако в этом случае социальная инженерия оказывается подчиненной историцизму³⁸.

Позиция Поппера по теме историцизма одновременно и верная, и противоречивая. Его изначальная установка состоит в том, что социальная наука — такая же наука, как математика, естествознание и техника, но обремененная эссенциализмом. Историю он наукой не признает, называя ее исторической интерпретацией. Здесь он

³⁴ См.: Поппер К.Р. Указ. соч. Т. 2. С. 306–309.

³⁵ Там же. С. 310.

³⁶ Там же. С. 312.

³⁷ См.: там же. С. 320, 322.

³⁸ См.: там же. Т. 1. С. 55–57.

мотивирован не научными, а политическими причинами: историческая интерпретация расковывает инициативу масс в борьбе с наступающим тоталитаризмом. Вместе с тем его выводы об истории, ставшие побочным следствием его политических воззрений, глубоко верны. Он вроде бы различает историю как объективный процесс событий и как ее субъективное отражение в сознании людей, но все это очень формально, по существу, предлагается взглянуть на историю исключительно с субъективистских позиций. В первом случае утверждается, что история не имеет смысла помимо человеческого сознания. Человек, оценивая исторические события, меряет их своими ценностными критериями. Во втором случае история интерпретируется как концепция, отражающая интересы и потребности людей, а поскольку у каждого нового поколения эти потребности свои, каждый раз возникает новая историческая интерпретация. В обоих вариантах история предстает как модель, как элемент мира логики, отстоящей от реальности. Люди, принимая то или иное решение, только думают, что они отталкиваются от действительности, тогда как на самом деле они подчинены логике своего сознания и своим ценностным императивам (и это во многом верно). Социальный мир (общество, государство, право), согласно Попперу, творят сами люди, т.е. они являются творцами самих себя. Мысль не новая, ее можно найти у Гегеля, Фейербаха и Маркса, но применительно к практике тоталитарных режимов XX в. она приобретает особое звучание. Поппер, представляя историю как проекцию субъективного сознания, рассчитывал повысить ответственность личности за свои поступки и мобилизовать ее на борьбу за демократию. Но очевидно, что такая позиция вполне может служить и тоталитаризму. Так, русские революционные народники (предтечи большевизма) создали теорию «критически мыслящих личностей», историческая роль которых состояла в том, чтобы брать на себя ответственность за судьбу русского крестьянства, приближая их к социализму. То же можно сказать о любых партиях вождистского типа, имевших место в истории XX в. Поппер прав, рассматривая государство как проекцию общественного сознания, но такая позиция в одинаковой мере подтверждает движение общества в сторону как демократии, так и тоталитаризма. Третий рейх во главе с Гитлером и есть проекция сознания нацистов. Так что субъективистское понимание истории и идея личной ответственности, предлагаемые Поппером, не являются средством борьбы исключительно за демократию.

Позиция Поппера субъективистская также в том смысле, что на историю он предлагает смотреть как на результат сознательных волевых усилий, что далеко от истины. История противостоит

людям как некая безличная сила, с которой ничего сделать нельзя. Если складываются объективные условия (среди них – формирование соответствующего общественного сознания), движение того или иного народа к тоталитаризму неизбежно и неустранимо, остановить этот процесс невозможно, народ должен его пережить, как вынужден был русский народ пережить коммунизм, а немецкий народ – нацизм. Ответственность индивида за свою судьбу (если она есть) – моральная и идеологическая установка, ничего в принципе не решающая. История есть сумма разнонаправленных политических влияний и воля миллионов людей. Повернуть общество в то или иное русло можно только тогда, когда сложились для этого объективные предпосылки. Историческая эпоха рождает, а точнее – призывает героев к их великой деятельности, обратный процесс невозможен, герой, появившийся в эпоху безвременья, обречен на трагическое бездействие.

Противоречива позиция Поппера относительно соотношения исторической науки (исторической интерпретации) и метафизики, метафизики и социальной инженерии. Когда историческая интерпретация, рассуждает он, ставит перед собой задачу открыть законы истории, она становится историцизмом, метафизикой. Если историческая интерпретация нацелена на поиск технологических решений, требуемых современностью, она предстает в виде рационализма, социальной инженерии. В данном случае метафизика отвергается, поскольку ее использование мистифицирует социальную жизнь, погружает ее в иррациональное. Вместе с тем, как постоянно подчеркивает Поппер, рациональный поиск оптимальных и эффективных решений требует изначальной теории, т.е. неких интуитивно найденных аксиом, которые только и позволяют оценивать факты и делать из них выводы. Иначе говоря, Поппер, говоря о социальной инженерии, забывает о своей базовой установке, согласно которой метафизика предшествует любому научному (рациональному) познанию. Требуя исключения метафизики из теории социальной инженерии, он приходит к голому сциентизму, от которого изначальное предлагал отказаться. Данное противоречие Поппера указывает как минимум на две вещи. Во-первых, когда речь заходит о политических пристрастиях, исходные методологические установки намеренно или ненамеренно забываются. Действует обычный императив социальной науки: идеология и ценности, а отнюдь не гносеология определяют конечные выводы. Во-вторых, в этом случае метафизические основы социальной инженерии еще более подтверждаются. Любое социальное реформаторство, как правильно указывает Поппер, опирается не столько на факты (на действительность), сколько на ценностные

императивы. Люди принимают решения, руководствуясь своими ценностными предпочтениями, т.е. смысловой картиной мира, предложенной метафизикой. Поппер пытается разъединить эссенциализм (метафизику) и социальную инженерию, но практика, особенно XX в., доказала, что социальная инженерия всегда была заложницей эссенциализма, т.е. метафизических схем, созданных на основе ценностных установок. Социальная инженерия не способна быть самостоятельной, она всегда только часть и следствие смысловой картины мира. Предлагаемая Поппером социальная инженерия вполне может привести к тоталитаризму, что неоднократно происходило. Тоталитарный режим и есть результат технологического отношения к жизни, организация людей по неким идеологическим лекалам. Эссенциалистский взгляд на историю, общество, государство и право, напротив, может повернуть общество к борьбе за либеральную демократию.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич –
доктор юридических наук,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
и политологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 13
(4-й учебный корпус)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 31, 33–35, 38, 39, 51, 52, 55–58, 60, 61, 63–70, 91–96, 120, 121.
2. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 262, 263, 273–276, 280, 284, 285, 306–310, 312, 320, 322, 441, 444–450, 452, 454–456, 458–463, 466, 467, 469, 470.

REFERENCES

1. *Popper K. R.* Open society and its enemies. Vol. 1. M., 1992. P. 31, 33–35, 38, 39, 51, 52, 55–58, 60, 61, 63–70, 91–96, 120, 121.
2. *Popper K. R.* Open society and its enemies. Vol. 2. M., 1992. P. 262, 263, 273–276, 280, 284, 285, 306–310, 312, 320, 322, 441, 444–450, 452, 454–456, 458–463, 466, 467, 469, 470.

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. –
Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of theory of state and
law and political science of the faculty of law at
Lomonosov Moscow state University;
1 Leninskie Gory, building 13
(4th academic building), 119991 Moscow, Russia